

он. Свою раннюю книгу о Толстом и Ницше он заканчивает словами: «нужно искать Бога», и во всех странствованиях это искание есть единственная, вдохновляющая его на подвижничество цель.

Нетерпеливый читатель спросит: нашел ли он Его? На этот вопрос я не отвечу. Пусть обратится с этим вопросом к Шестову, к его книгам и, прежде всего, вооружится терпением. Для того, чтобы добиться ответа Шестова, нужно проделать пройденный им путь. Если вопрос задан не из праздного любопытства и не для того только, чтобы ответ практически использовать, читатель не пожалует о трудностях пути и потраченном времени.

«Potestas clavium — Власть ключей», ныне появившееся отдельной книгой произведение последних лет. В этой книге ярко выступает новая черта зрелой мудрости Шестова, его почти любовное отношение к философским врагам. Он с ними борется, но с истинно рыцарским великодушием. Он предупреждает их об опасностях и подает им оружие, если оно случайно выпадает у них из рук... Он любит врага сильного и хорошо вооруженного не для победы над ним, а для того, чтобы в борьбе вернее найти самого себя.

Из сочинений Льва Шестова лишь немногие переведены на французский язык (на немецком языке готовится и скоро появится полное собрание). Я думаю, что не в интересах одной только пропаганды русской культуры, а в интересах культуры приютившей нас страны было бы ознакомление французских кругов с философией одинокого странника по душам.

Б. Ф. ШЛЁЦЕР

Паскаль и книга о нем Шестова (Chesttoff. La nuit des Gethsémani. Ed. Les Cahiers Verts)

В издании Грассэ, «Les Cahiers Verts», вышла по-французски, в переводе г. Экземплярского¹ «Гетсиманская ночь» Шестова, «Опыт о философии Паскаля». Книга небольшая, всего 160 страниц. Эпиграф — из Паскаля: «Иисус будет в агонии до конца мира. В течение этого времени не следует спать...»²

Среди обширной литературы о Паскале, значительно еще разросшейся в связи с его трехсотлетним юбилеем, этюд Шестова — явление исключительное: он выделяется самым отношением своим к автору «Мыслей», самым восприятием личности Паскаля, своим подходом к ней. Паскаль для Шестова не есть вовсе предмет научного истори-

ческого исследования, гениальная, но странная, чудовищная почти натура, которую следует классифицировать, всесторонне рассмотрев ее. Не ищет он у него доказательства каких-нибудь идей, теорий; почтительно-снисходительно не судит он его с высоты знаний человека XX века. Паскаль для Шестова живое лицо, современник, близкое, дорогое существо. Он видит его, непосредственно ощущает, он с ним беседует.

Историзм всегда был чужд Шестову; в его восприятии не существуют как будто наши временные последования, точно так же как и наши географические и национальные разделения. Вот человек, для которого время действительно относительно! Плотин жил за много сотен лет до Паскаля; между Паскалем и нами лежит бездна трех столетий; но в том плане, в котором мыслит и чувствует Шестов, это не имеет, оказывается, никакого значения; точно так же как и греческое происхождение Плотина, французское — Паскаля или немецкое Ницше. И не потому вовсе, что русский философ возносится в царство абстракций, где стираются все частности и все кошки, безразлично, оказываются серыми, но потому, напротив, что Шестов схватывает самое конкретное, личное в человеке, самое в нем интимное, специфическое глубочайшее «я», над которым не властны все наши пространственно-временные разделения.

В этом смысле историзм — одна из наиболее своеобразных черт умственной физиономии Шестова; она свидетельствует о совершенно исключительном переживании им действительности, и она же, эта черта, ставит его в резкое противоречие со всем строем современного мышления, для которого историческая точка зрения является определяющей и которое охватывает реальность в категориях развития, эволюции.

Этот специфический «метод» Шестова, эта свобода его от чувства исторической перспективы, нас связывающего и являющегося, в сущности, продуктом нового времени, придают воссоздаваемым Шестовым образам и героям прошлого особую актуальность, современность. Паскаль Шестова жив, точно так же как жив его Плотин или Ницше: они — вот тут, среди нас, они — участники наших мыслей: они ближе к нам, они реальнее многих из наших современников. Человек исторического склада сказал бы, что Шестов «модернизирует своих героев».

Насилует ли правду при этом Шестов, историческую правду? Соответствует ли действительности его образ Паскаля? Похож ли он? Но вопросы эти, естественно возникающие в читателе, следует поставить в несколько иной форме: соответствует ли шестовское представление о Паскале одному из признанных образов мыслителя из Пор-Рояля?³ Ведь этих образов несколько, и каждый из них имеет своих сторонников: есть Паскаль католик и есть Паскаль картезианец, Паскаль бунтовщик-романтик и Паскаль схоластик и традици-

оналист, Паскаль — поэт и мистик, Паскаль — математик и строгий логик... И вот, отвечая на вопрос, поставленный в этой именно форме, мы скажем, что Шестов явил нам новый лик Паскаля, весьма отличный от тех портретов его, которые были до сих пор в обращении, лик живой, убеждающий и, несмотря на раздирающие его противоречия, в последней глубине своей — цельный. Как проверить правильность этого образа? Это было бы невозможно и в том даже случае, строго говоря, если бы Паскаль был сейчас здесь, среди нас.

Михайловский, если не ошибаюсь, как-то сказал про Шестова, что он распоряжается в доме Ницше (или Достоевского), как в своем собственном, расставляет в нем мебель по своему⁴ и пр. Замечание чрезвычайно меткое, но оно — не в осуждение, как полагал сам Михайловский, а в величайшую похвалу: не всякому возможно так действовать властно и свободно; иной попробует, но ничего не выйдет; как ни велика будет его смелость, он останется в доме Ницше чужим, и вещи откажут ему в повиновении, — тот факт, что Шестову они послушны, доказывает, что он действительно «власть имеющий» и обладает правом свободно распоряжаться ими. Действительно, ведь Шестов и приходит лишь к тем, которые до известной степени с ним конгениальны. Я не сравниваю Паскаля и Шестова: в той области, в которую они нас вводят, нет общих мерил, нет большего или меньшего, и каждый мерится собственной мерой. Но они в чем-то созвучны, и тонким слухом своим Шестов эти далекие звуки, откликающиеся на его мелодии, подслушал и узнал. Они оба — одного племени; к нему же принадлежит и Ницше, и другие еще, которых мы, может быть, не знаем и не узнаем никогда.

Странное племя людей глубоко одиноких! Разделенные пустынями времени и пространства, они догадываются о своей взаимной близости; но среди нас они чувствуют себя людьми иной породы, иного мира. Таково же и наше ощущение. И все же, нас к ним влечет, хотя мы вовсе не знаем, что с ними делать, как приспособить их к нашим потребностям, к нашим целям. Они тревожат нас, чаруют и тотчас же разочаровывают, едва мы пытаемся от них что-либо получить, ибо «дать» нам ничего не могут, ни хлеба телесного, ни хлеба духовного.

Необычайно комичное впечатление произвели на меня официальные чествования Паскаля, речи министров, восхвалявшие заслуги Паскаля, его характер, его писания, ставившие его в пример молодежи... Паскаль в роли воспитателя! Паскаль в роли общественного деятеля! Паскаль и государственность!.. Более цельного контраста не придумала бы фантазия величайшего ирониста.

«Никто против этого не спорит: Паскаль — великий человек...» Но каждая строка его, взятая отдельно, и все его писания, взятые вместе, — ненужны, враждебны людям. Они не только ничего не дают: но они все отнимают. Люди нуждаются в чем-нибудь «положительном»,

в чем-нибудь разрешающем и успокаивающем. Чего могут они ждать от Паскаля, который... восклицает: «Иисус будет в агонии до конца мира» и т. д. («Гефсиманская ночь»).

Эти слова Шестова о Паскале вполне применимы и к Шестову. Любопытную характеристику его мне пришлось прочесть не очень давно в «Руле», в рецензии Б. Каменецкого о первом сборнике «Окно»⁵: автор упрекал Шестова в том, что он «никуда не идет», что раздражает «его вечная праздность», что вообще «глубокой бесплодностью отличаются досуги его мыслей, и никак не поймешь, чего он собственно хочет... Когда приходишь к концу его страниц, то не знаешь, приобрел ли ты что-нибудь или нет, и не обогатил ли он только твой ум новыми недоумениями.

Это очень верно; и, думаю, сам Шестов не будет возражать против подобной характеристики. Да! «Бесплодность», «праздность», «ненужность»... «Ничего положительного...» «Одни недоумения...» В сущности, большинство читателей так именно и оценивает Шестова: блестящий писатель, но... где же выводы? Таково же, в конце концов, отношение наше к Паскалю и к Ницше: гениальные поэты, великолепные стилисты! При чем же тут, однако, философия?.. Шестов еще и подчеркивает: «Опыт о философии Паскаля...» Ведь всякий ученый знает, что философия есть систематическое мышление о мире!

Эти недоумения и раздражения — вполне понятны: нам удалось кое-как скрасить ужас бытия приятными снами, но вот приходит некто и мучает, будит, зовет... Куда? Зачем? Он и сам не может объяснить: ведь «объяснить» — значит вновь подпасть под власть «системы», логики и снова «уснуть». И все же, в призыве этом тайное очарование и смутный, но дивный обет.

Г. Л. ЛОВЦКИЙ

«Гефсиманская ночь» Льва Шестова.

La nuit des Gethsémani. Essai sur la philosophie de Pascal par Leon Chestov

Среди многочисленной литературы, возникшей по случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля, особенное внимание и горячие похвалы французской критики вызвал этюд Льва Шестова, появившийся впервые на французском языке в прекрасном переводе Экземплярского.

В небольшой по объему книжке освещается трагедия философских исканий великого французского мыслителя и предпринимается попытка перекликнуться на расстоянии веков во тьме окружающей нас